

Парижская всемірная выставка 1889 года.

Докладъ собранію учительницъ Харьковской частной женской воскресной школы).

Прежде, чѣмъ читать мои бѣглыя замѣтки, озаглавленныя «Парижская выставка», я должна принести самое искреннее покаяніе въ томъ, что, въ сущности, я вовсе не видала парижской выставки, а потому и не могу сказать о ней почти ни слова. При воспоминаніи о недавнемъ прошломъ въ воображеніи моемъ смутно представляются какія-то роскошныя палаты, какія-то изящныя витрины, бархатъ, бронза, хрусталь, мимо которыхъ приходилось мнѣ постоянно проходить, быстро направляясь къ своему русскому отдѣлу, и только образъ огромнаго мѣднаго Будды какъ-то особенно ярко врѣзался въ мою память, и я приобрѣла изображеніе его въ миниатюрѣ, какъ единственное образное воспоминаніе о чудесахъ парижской выставки. Парижа я тоже не видала, и онъ представляется мнѣ огромнымъ, прекраснымъ садомъ, полнымъ невѣдомыхъ для меня чудесъ. Ярче всего встаетъ передо мной Pont de Grenelle и величественная статуя свободы, мимо которой мнѣ приходилось проѣзжать каждый день. Приобрѣсти копію этой статуи сдѣлалось въ послѣдствіи моею *idée fixe*. Послѣ долгихъ поисковъ я нашла, наконецъ, на слѣдъ художника, создавшаго ее, и по окончаніи выставки вы увидите это прекрасное изваяніе въ Харьковѣ воочию.

Предпославши это краткое извиненіе, я постараюсь разсказать вамъ послѣдовательно и болѣе или менѣе подробно о своей поѣздкѣ въ Парижъ, о 3-мѣсячномъ пребываніи моемъ на выставкѣ и о всѣхъ моихъ удачахъ и неудачахъ.

Я выѣхала изъ Харькова совершенно измученная своей повседневной работой и вынуждена была остановиться для отдыха въ Петербургѣ на 2, на 3 дня, но меня ждали тамъ непріятности, совершенно распатавшія мои нервы. Поѣздка въ Парижъ еще болѣе утомила меня, и меня привезли въ Hôtel du Louvre въ почти безсознательномъ состояніи: страшная головная боль сжимала мнѣ виски; очнувшись на нѣсколько минутъ, я снова впадала въ сонъ и въ продолженіе 5—6 дней рѣшительно ничего не брала въ ротъ. Больше всего меня терзаль парижскій шумъ и щелкающіе бичи извозчиковъ. Я безсильно простирала ночью руки въ пространство и умоляла замолчать и дать мнѣ покой хоть на нѣсколько минутъ. Я не только не могла пойти на выставку, но не въ силахъ была думать о ней, и все прошлое и настоящее какъ-то безпорядочно перепутывалось въ моей больной головѣ.

Прибывшій, наконецъ, докторъ заявилъ, что у меня анемія мозга и что холодные компрессы необходимо замѣнить теплыми, согрѣвающими. Онъ приказалъ поить меня чаемъ и заставить съѣсть что-нибудь хоть черезъ силу. Совѣты его оказались вполне рациональными, и на 5 или 6 день я, нѣсколько пошатываясь и съ тяжелой еще послѣ болѣзни головой, отправилась на выставку въ сопровожденіи мужа и дѣтей, которые тщетно силились остановить мое вниманіе то на одномъ, то на другомъ предметѣ. Я безостановочно двигалась къ точкѣ, названной ими «Arts libéraux», гдѣ помѣщена была наша книга, и останавливаться на чемъ бы то ни было по пути, не достигнувъ цѣли, мнѣ казалось въ эту минуту какъ бы преступленіемъ.

Переходя изъ одной огромной палаты въ другую, я почувствовала, наконецъ, запахъ водки и кожи, и мнѣ сообщили, что мы достигли русскаго отдѣла. Запахъ кожи шелъ, очевидно, отъ разнаго рода сафьянныхъ образцовъ и обуви, размѣщенныхъ симметрично въ витринахъ; запахъ же водки я почувствовала при разговорѣ съ русскимъ экспонентомъ съ одутловатой пьяной фizioноміей и выпученными глазами. Онъ довольно безсвязно объяснилъ намъ, что изобрѣлъ какой-то неразбивающійся составъ, причемъ

вытащилъ изъ своего шкафика статуэтку и сталъ немило-сердно колотить ее головой о прилавокъ (въ послѣдствіи онъ былъ извѣстенъ у насъ подъ названіемъ «неразбивающаяся фигура»).

Рядомъ съ нимъ находился господинъ въ томъ же родѣ, но съ ухватками военнаго человѣка, кутилы-мученика. Какъ-то на вопросъ мой, чѣмъ собственно занимался онъ въ прошломъ и какова его специальность, онъ отвѣчалъ трагически, съ жестами провинціальнаго актера: «Убивалъ людей». Въ первую минуту я не поняла, въ чемъ дѣло, а затѣмъ оказалось, что онъ былъ ополченцемъ въ послѣднюю войну.

Немного далѣе я увидѣла человѣка, одѣтаго шутомъ, какъ показалось мнѣ, и тоже съ пьяной фizioноміей; на немъ была надѣта ярко-красная ситцевая рубашка, широкія, яркія синія шаровары и ямщицкая шапка съ павлиньимъ перомъ, совершенно похожая на дурацкій колпакъ. Это былъ нѣкто Гринева, лакей генеральнаго комиссара Андреева, которому баринъ поручилъ присматривать за кустарнымъ отдѣломъ, состоящимъ изъ какихъ-то бездѣлушекъ.

Еще далѣе сидѣла толстая баба лѣтъ за 40, не то мѣщанка, не то купчиха, наряженная въ безвкусный костюмъ кормилицы и продававшая пуховые платки. Вся эта компанія, естественно, показалась мнѣ совсѣмъ несимпатичной, и я, минуя ее, поспѣшила къ своей витринѣ.

Между огромнымъ шкафомъ, наполненнымъ изданіями Сытина, слѣва и большой роскошной витриной Варгунина справа сиротливо стоялъ маленькій орѣховый пюпитръ, покрытый слоемъ пыли. Я узнала его по чертежу, врученному мнѣ въ Петербургѣ, и взглядъ мой искалъ на немъ 2 толстые тома «Что читать народу», но—увы!—на лицевой сторонѣ пюпитра были разложены мои частныя письма и статья «Гражданина» съ крупною надписью, сдѣланною моею рукой, «Доносы». Оказалось, что ящикъ, отправленный мною съ надписью «Hôtel du Louvre», былъ по небрежности раскупоренъ на выставкѣ вмѣсто того, на которомъ было написано: «Exposition». И такъ, мою частную переписку

могъ читать здѣсь каждый, кому вздумается, и недоумѣвать надъ вопросомъ, съ какою цѣлью могла появиться она на всемірной парижской выставкѣ. А что, если издатель «Гражданина» попалъ случайно въ этотъ русскій отдѣлъ и прочелъ на своей газетѣ наложенное мною клеймо позора? Что, если онъ, съ его влеченіемъ къ скандаламъ, вздумаетъ возбудить пикантное дѣло и привлечь меня къ отвѣтственности?!. Всѣ эти вопросы мучительно возникали въ моей головѣ и возбуждали во мнѣ желаніе бѣжать изъ этого русскаго отдѣла. Пыль, грязь, паутина довершали общее впечатлѣніе, и я не знала, гдѣ и какъ искать выхода изъ этого положенія. На разспросы мои, отъ кого я могу добиться толку, мнѣ совѣтовали обратиться къ сторожу Лаврову и просить у него необходимыхъ разъясненій. Въ этомъ сторожѣ я предполагала встрѣтить толковаго простодушина-артельщика, но ожиданія мои не сбылись: передо мной явился франтикъ, не окончившій реальнаго училища, немножко говорящій по-французски, презирающій свое названіе сторожа и взявшійся за это ремесло единственно изъ желанія прокатиться на парижскую выставку. Онъ не могъ мнѣ рѣшительно ничего объяснить и направилъ меня къ секретарю русскаго отдѣла. На вопросъ мой, проходили ли члены жюри нашъ отдѣлъ, секретарь отвѣчалъ флегматично: «Да, проходили, но возлѣ вашего экспоната не останавливались, такъ какъ представителей подобныхъ предметовъ больше не имѣется, а нельзя же собирать цѣлое жюри для одной книги».

Это извѣстіе окончательно ошеломило меня, и я возвращалась домой въ положеніи человѣка, доведеннаго до отчаянія, съ твердымъ намѣреніемъ уѣхать въ Россію завтра же. «Неужели я пріѣхала сюда для того, чтобы смотрѣть на всѣ эти бархаты, атласы и кружева? На что они мнѣ?» думала я съ какимъ-то озлобленіемъ, идя мимо огромнаго мѣднаго Будды, возвышающагося надъ всѣмъ остальнымъ. Я невольно подняла голову, взглянула ему въ лицо, и мнѣ показалось, что его узкіе полуоткрытые глаза смотрятъ на меня съ положительной насмѣшкой, и тонкія губы улыбаются язвительно и иронически. Еще съ болѣе

отяжелѣвшей головой возвратилась я домой, и только усиленные увѣщанія близкихъ мнѣ людей парализовали мою рѣшимость уѣхать изъ Парижа. Тѣмъ не менѣе, по мѣрѣ восстановления физическихъ силъ, ко мнѣ прибывала моя обычная бодрость и, вѣроятно, глядя, съ какой энергіей счищала я пыль и грязь кругомъ, знакомилась съ сосѣдями, раскладывала книги и бѣгала въ будочку комитета (называемую въ общежитіи курятникомъ) то съ однимъ, то съ другимъ заявленіемъ или протестомъ, трудно было узнать во мнѣ того самого человѣка, который, пошатываясь отъ слабости и горя и безсильно опустивъ руки, возвращался домой съ отчаяннымъ намѣреніемъ возвратиться вспать.

Прежде всего я въ большей или меньшей мѣрѣ подчинила себѣ сторожей, накупивъ всевозможныхъ тряпокъ, щетокъ и метелокъ. Они, очевидно, заподозрѣли во мнѣ лицо, причастное комитету и уполномоченное слѣдить за порядкомъ, и я вовсе не спѣшила парализовать этой иллюзіи. Даже бѣлоручка Лавровъ, видя меня въ фартукѣ, стирающей пыль, дрался двумя пальцами за plumeaux и нѣжно смахивалъ пыль съ сосѣднихъ витринъ; даже кривляка полякъ, тоже полуобразованный франтикъ, граціозно изгибаясь, выбивалъ на воздухъ мою скатерть; о французѣ-сторожѣ Марешалѣ, ужаснѣйшемъ неряхѣ, съ идиотически добродушнымъ выраженіемъ лица, уже и говорить нечего: онъ всецѣло подчинился мнѣ и работалъ, какъ волъ, изрѣдка только бурча себѣ подъ носъ: «et bien, je n'ai pas quatre mains pour faire tout ça!» Дѣйствительно, онъ работалъ за всѣхъ трехъ, и вы могли приказывать ему сколько угодно. Одного только не переносилъ онъ—самого малѣйшаго выговора: довольно было вамъ сказать: «взгляните, Марешаль, вѣдь вы не захватили здѣсь пыль въ углу», чтобы это его страшно разобидѣло и чтобы онъ на цѣлыхъ 2—3 часа утратилъ всякую способность къ работѣ. Этого мало: онъ упорно стоялъ передъ вами и бурчалъ безъ конца на тему о вашей черной неблагодарности и о томъ, что онъ не имѣетъ «malheureusement quatre mains». Впослѣдствіи всѣ мы, экспоненты, отлично знали это свойство, тща-

тельно избѣгали этой потери времени и ужасно потѣшались, когда кто-либо изъ вновь прибывшихъ господъ вступался съ Марешалемъ въ подобную исторію.

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что мое подчиненіе себѣ сторожей вовсе не носило элементовъ деспотизма да и не могло носить, такъ какъ, въ сущности, они были отъ меня исполнѣ независимы. Это было просто нравственное вліяніе человѣка, горячо относящагося къ дѣлу и подающаго собою живой примѣръ. Съ свойственной мнѣ общительностью я находилась съ ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и chef Лавровъ, какъ онъ называлъ себя, весьма часто вступалъ со мною въ самыя откровенныя бесѣды такъ, напр., однажды онъ подошелъ и сообщилъ мнѣ съ торжествующей улыбкой и съ оттѣнкомъ таинственности, что его желаютъ повесить и что онъ будетъ теперь уже не сторожемъ, а чѣмъ-то инымъ, но чѣмъ именно, онъ до-стовѣрно не зналъ, и этотъ вопросъ крайне тревожилъ его.

— Не придумаете ли вы, m-me Алчевская,—говорилъ онъ заискивающимъ тономъ,—какое бы именно дать мнѣ названіе.

Подумавши немного и вспомнивши разнаго рода профессіи, я сказала, что совѣтовала бы ему назваться консерваторомъ русскаго отдѣла; слово это ему очень понравилось, и онъ опрометью бросился въ комитетъ ходатайствовать объ этой милости. На другой день я увидѣла Лаврова не въ его обычной формѣ сторожа, напоминавшей кондукторовъ желѣзной дороги, а одѣтаго кукушкой, въ какомъ-то пестромъ клѣтчатомъ пиджачкѣ и съ тросточкой въ рукахъ. Онъ былъ такъ смѣшонъ, что я едва могла удержаться отъ смѣха. Нѣсколько дней спустя, онъ подошелъ ко мнѣ опять съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица.

— Какъ вы думаете, m-me Алчевская,—спросилъ онъ меня серьезно,— что лучше: быть ли въ деревнѣ первымъ или въ городѣ послѣднимъ? Теперь меня называли чиновникомъ (employé), но я состою самымъ послѣднимъ изъ чиновниковъ, между тѣмъ, если меня назначать главнымъ сторожемъ, я буду въ своемъ родѣ начальствомъ.

Взглянувши пристально на Лаврова и соображая, какого сорта совѣтъ должна я ему дать, я отвѣчала рѣшительно: «По-моему—въ деревнѣ первымъ».

Нѣсколько дней спустя, я увидѣла Лаврова въ новенькой формѣ, разукрашенной какими-то позументами. Онъ шаркался передо мной по-военному и сказалъ, самодовольно улыбаясь: «Всѣ находятъ, что эта форма гораздо больше идетъ мнѣ къ лицу, а главное вотъ что,—добавилъ онъ, снимая свою новенькую шапку, опушенную чернымъ барашкомъ, и съ позументомъ, положеннымъ крестъ-накрестъ наверху:—иной можетъ принять ее, пожалуй, за генеральскую».

Со сторожемъ-полякомъ я находилась не въ меньшей дружбѣ, и наканунѣ отъѣзда у меня произошелъ съ нимъ такой разговоръ:

— А, кажется, вамъ не хочется уѣзжать,—сказалъ онъ, принимая свою обычную граціозную позу.

— Еще какъ не хочется,—отвѣчала я, и невольныя слезы блеснули у меня на глазахъ.

— Удивляюсь!—возразилъ онъ, пожимая плечами.— А я такъ соскучился, такъ соскучился по родинѣ, что, кажется, прошелъ бы пѣшкомъ тысячи верстъ, лишь бы возвратиться домой. Неужели вы не любите своей родины?—закключилъ онъ рѣчь.

— Родина...—сказала я въ раздумѣ,—моя родина тамъ, гдѣ эта книга,—и я не могла прибавить ничего болѣе отъ слезъ.

Марешаль тоже дѣлился со мною своими радостями и печалами, и когда жена его свалилась, работая, съ лѣстницы, онъ каждый день сообщалъ мнѣ о ея здоровѣ самые подробные бюллетени.

Вообще и съ этими сторожами, и съ «неразбивающейя фигурой», и съ героемъ, «убивавшимъ людей», и съ продащицей платковъ, и со всѣми другими я находилась въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ.

Между моими сосѣдями были, однако, и интеллигентные люди. Представительницей фирмы Сытина являлась молодая дѣвушка, С. В. К., дочь извѣстнаго московскаго компо-

зителя. Ея блѣдно-матовое лицо, черные, какъ смоль, прекрасные волосы и грустные съ поволокой глаза невольно останавливали на себѣ ваше вниманіе и заставляли интересоваться романомъ этой героини, дѣйствительно, происшедшимъ въ ея жизни. Она была невѣстой сына писателя О., прекраснаго юноши, окончившаго курсъ въ московскомъ университетѣ. День свадьбы былъ уже назначенъ, и въначальное платье лежало на столѣ, но юноша неожиданно заболѣлъ дифтеритомъ, и его не стало въ 2 дня. Дѣвушка не въ силахъ была покориться безропотно этому удару судьбы и отравилась. Подоспѣвшая вовремя помощь возвратила ее къ жизни, но потрясеніе было слишкомъ велико, чтобы пройти безслѣдно: она лишилась разсудка, и ее отвезли въ Парижъ къ Шаркѣ. Медицина и на этотъ разъ оказала свое могучее дѣйствіе: разсудокъ былъ возвращенъ, но печать грусти и какого-то трагизма осталась, вѣроятно, навѣки на всемъ образѣ этой поэтической дѣвушки. Я очень сошлась съ нею и, уѣзжая, говорила ей серьезно, имѣя ввиду десятки ея и молодыхъ, и пожилыхъ, поклонниковъ: «Боже мой, Боже мой, какъ я оставляю васъ здѣсь, въ Парижѣ, одну!»

— Жила жъ я безъ васъ,—отвѣчала она съ своей грустной улыбкой, желая успокоить меня и подсмѣиваясь надъ моей мнительностью.

Я оставила ее представительницей книги «Что читать народу» на выставкѣ и поручила сообщать мнѣ ежедневно обо всемъ, что происходитъ тамъ. Къ интеллигентнымъ людямъ можетъ быть причислена также нѣжная молодая чета Р. Она являлась на выставкѣ представительницей типографскихъ работъ Кушнеревыхъ и К^о; онъ состоялъ секретаремъ русскаго отдѣла. Кромѣ настоящей обязанности, м-ме Р. слушаетъ въ Парижѣ лекціи медицинскаго факультета, а онъ окончилъ курсъ технологическаго института. Маленькій, невзрачный, съ преждевременно облысѣвшей рыжеватой головой, онъ отличается необычайной многозначительностью, и черезъ эту призму многозначительности чрезвычайно трудно разсмотрѣть, уменъ онъ или глупъ. Зато по отношенію къ м-ме Р. не могло оставаться ни малѣйшихъ

сомнѣній, и трудно было представить себѣ, какъ эта мало-развитая и ограниченная женщина пришла къ рѣшенію посвятить себя наукѣ.

— Гришенька, поди сюда! — раздавалось безпрестанно подъ сводами русскаго отдѣла, и Гришенька шель обыкновенно на этотъ зовъ.

Но бывали, впрочемъ, между ними и споры, напоминавшіе Аѳанасія Ивановича и Пульхерію Ивановну.

— Гришенька! — взывала м-ме Р., — по сколько картинокъ съ листа совѣтуешь ты мнѣ отрѣзать для отправки членамъ жюри?

— Я совѣтую по одной, — отвѣчалъ онъ многозначительно.

— А по-моему по пяти, — задорно возражала она.

— Ну, по пяти, — отвѣчалъ онъ съ той же многозначительностью.

— Гришенька, не раздражай меня, — протестовала м-ме Р., и вслѣдъ за этимъ у всѣхъ насъ на глазахъ происходила маленькая семейная сцена.

Впослѣдствіи и за нимъ, и за нею у насъ очень прочно установилось презвище «Гришенька», и когда произносилось слово «Гришенька», то прибавлялось только онъ или она.

Кромѣ ограниченности, я находила ее еще завистливой и злой; такъ, напр., она никакъ не могла перенести спокойно успѣховъ нашей книги, и въ запасъ у нея всегда находилась какая-либо колкость для меня. При появленіи газетныхъ статей она съ язвительной улыбочкой обратилась ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: «вѣроятно, вы познакомились ужъ съ парижскими репортерами и сумѣли заискать въ нихъ?» (Она намекала этимъ на подкупность французской прессы). Вопросъ этотъ уязвилъ меня до глубины души, и когда мнѣ предложили познакомиться съ сотрудникомъ газеты «L'Eclair», Монторгейль, характеризуя его, какъ самую прекрасную и выдающуюся личность, я наотрѣзъ отказалась отъ этого, о чемъ теперь отъ души сожалею. Вообще, призракъ этой подкупности до смѣшного преслѣдовалъ меня въ Парижѣ, но къ чести парижской прессы я должна

сказать, что за три мѣсяца пребыванія моего за границей я не получила ни одинаго намека въ этомъ направленіи.

Но возвратимся къ нити разсказа: какъ ни бодро чувствовала я себя физически и нравственно, но равнодушіе проходившей публки ужасно огорчало меня; правда, книга въ роскошномъ переплетѣ лежала теперь на пюпитрѣ, на которомъ не было ни пылинки, и я безотлучно сидѣла подлѣ, готовая давать всякаго рода разъясненія, но при ней не было ни вывѣски, ни объявленій, ни брошюръ, и никто не обращалъ на нее ровно никакого вниманія. Злобно и презрительно смотрѣла я на эту индифферентную толпу. Лица прохожихъ казались мнѣ положительно глупыми и тупыми: съ посоловѣвшими отъ выставочнаго утомленія глазами, съ крупными каплями пота на лбу, они какъ-то бессмысленно стремились впередъ, почти не глядя по сторонамъ. Особенно бѣсили меня барышни, которыя, слышавши звуки органа, неумолкаемо терзавшаго слухъ въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ, начинали кривляться, немножко подплясывать и кокетничать съ своими кавалерами, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на книгу «Что читать народу».

Огромный мѣдный Будда попрежнему смотрѣлъ на меня съ иронической улыбкой, и я продолжала чувствовать на себѣ презрительный взглядъ его узкихъ глазъ.

Наконецъ я получила отъ переводчика изъ Петербурга рукопись, на которую возлагала всѣ свои надежды. И дѣйствительно, какъ было требовать отъ французовъ вниманія къ книгѣ, составленной на невѣдомомъ языкѣ и съ невѣдомымъ заглавіемъ? Я несказанно обрадовалась этому давножданному переводу.

Больше всего, безспорно, мучило меня то обстоятельство, что у книги нѣтъ жюри. Почему существуетъ оно и для бумаги, и для ваксы, и для платковъ, и для неразбивающихся статуй, и только этотъ безкорыстный трудъ многихъ и многихъ годовъ остается незамѣченнымъ? Я обращалась нѣсколько разъ съ этимъ къ генеральному комиссару Андреэву, но онъ съ потухающимъ взглядомъ умирающаго человѣка общалъ мнѣ устроить все, какъ слѣдуетъ, и на другой же

день совершенно забывалъ объ этомъ. Обращалась я и къ другому комиссару русскаго отдѣла, фабриканту Варгунину, брату извѣстнаго намъ Н. А. Варгунина, и онъ съ улыбкой торговца, успокаивающаго покупателя, говорилъ мнѣ: «не тревожьтесь, все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ!» Но я не вѣрила ни этой дѣланной улыбочкѣ, ни этимъ банальнымъ фразамъ и искренно обрадовалась, получивъ приглашеніе на *jour fixe* Андреева, на которомъ бываетъ, какъ говорятъ, самое интеллигентное общество. На этотъ вечеръ я возлагала большія надежды.

Имѣть жюри сдѣлалось положительно моей *idée fixe*. Мнѣ казалось такъ: пусть эти невѣдомые члены жюри разберутъ книгу по косточкамъ, пусть произнесутъ надъ нею самый строгій приговоръ, пусть разрушатъ всѣ мои иллюзіи на этотъ счетъ, но я хочу этого суда, я пріѣхала за нимъ и заставляю ихъ взглянуть въ это дѣло во что бы то ни стало. Помимо моего личнаго дѣла, я имѣла ввиду добиться на этомъ вечерѣ чего-нибудь опредѣленнаго насчетъ Петербургскаго комитета грамотности, взятаго якобы подъ свое покровительство бѣднымъ умирающимъ Андреевымъ. При остановкѣ моей въ Петербургѣ Я. Т. Михайловскій, предсѣдатель комитета, убѣдительно просилъ меня напомнить Андрееву о его обѣщаніяхъ на этотъ счетъ, такъ какъ въ послѣднее время, вслѣдствіе своей болѣзни, онъ сталъ крайне разсѣянъ и забывчивъ.

По пріѣздѣ на выставку я начала усиленно разыскивать повсюду изданія комитета грамотности и печатныя объявленія, составленныя Михайловскимъ, но—увы!—ихъ нигдѣ не оказалось, точно такъ же, какъ и моей драгоценной папки, озаглавленной: «Критическія замѣтки на книгу «Что читать народу», погибшей безвозвратно въ этомъ русскомъ хаосѣ. Ни изданій комитета грамотности, ни печатной записки Михайловскаго я на вечерѣ у Андреева не нашла, несмотря на то, что онъ позволилъ мнѣ рыться съ этою цѣлью у него въ кабинетѣ, но зато общество *jour fix*овъ Андреева оказалось, дѣйствительно, интеллигентнымъ: здѣсь были и образованные иностранцы различныхъ національностей, и петербургскіе чиновники высшаго полета, и профессора, пользующіеся

заслуженной популярностью. На мое счастье нѣкоторые изъ этихъ господъ оказались близко знакомыми съ книгой «Что читать народу»; другіе хотя и не знали ея, но слышали о ней много лестнаго или читали о ней въ газетахъ. И вотъ, когда я съ свойственной мнѣ горячностью стала жаловаться на то, что у книги этой нѣтъ жюри, всѣ эти господа приняли во мнѣ самое горячее участіе; особенно ярымъ адвокатомъ ея явился профессоръ Докучаевъ; онъ доказывалъ, что подобнаго рода фактъ положительно возмутителенъ и требуетъ съ моей стороны протеста. Во время чая Е. Н. Андреевъ скрылся куда-то, и когда я уѣзжала съ этого вечера, онъ, крѣпко пожимая мою руку, сказалъ мнѣ своимъ тихимъ голосомъ: «у васъ будетъ жюри: во время чая я ѣздилъ съ заявленіемъ къ кому слѣдуетъ».

Бѣдный Андреевъ! Всѣ мы требовали отъ него энергіи и распорядительности въ то время, какъ онъ умиралъ у насъ на глазахъ, виноватый только въ томъ, что до послѣдней минуты жизни не хотѣлъ свалить съ своихъ плечъ работы честнаго общественнаго дѣятеля и безсильно сложить оружіе подъ гнетомъ тяжелаго недуга. Въ довершеніе всего его послѣдніе дни были отравлены газетными инсинуаціями, и его горячее письмо, протестовавшее противъ разнаго рода клеветы, получено было его другомъ позднѣе, чѣмъ телеграмма, гласившая о его смерти. Общество русскихъ экспонентовъ уполномочило меня возложить на его гробъ огромный серебряный вѣнокъ, и, когда я вошла въ русскую церковь раньше другихъ и увидѣла этотъ одинокій на чужбинѣ гробъ, рыданія сжали мнѣ горло и я горько проплакала до самаго конца службы.

Не могу выразить словами, что почувствовала я, войдя въ эту русскую церковь въ Парижѣ. Отъ этихъ знакомыхъ ликовъ иконъ, отъ этихъ свѣчей и запаха ладана на меня пахнуло вдругъ чѣмъ-то близкимъ, роднымъ, дорогимъ. Припомнилось дѣтство, припомнились ранніе годы юности, и въ этихъ охватившихъ меня неожиданно слезахъ была не только скорбь по утратѣ хорошаго человѣка, но и чувство умиленія, наполнявшее душу. Трагизмъ смерти Андреева увеличивался еще его печальной домашней обстановкой:

надъ гробомъ его одиноко плакала одна только 17-лѣтняя дѣвушка—дочь.

Участь этой 17-лѣтней дѣвушки была поистинѣ трагична: 10 лѣтъ тому назадъ, когда ей было всего 7 лѣтъ, тоже на выставкѣ и тоже за границей она была единственной свидѣтельницей скоропостижной смерти матери, умершей на ея глазахъ. Смерть эта страшно перепугала ребенка, и дѣвочка на всю жизнь осталась нѣсколько странной и меланхоличной. Новая жена отца не влюбила этого грустнаго ребенка и съ дѣтства гнала его, причемъ отецъ являлся обыкновенно ея единственнымъ адвокатомъ и защитникомъ.

И вотъ, 10 лѣтъ спустя, тоже за границей, тоже во время выставки на ея же рукахъ умеръ этотъ нѣжно любимый отецъ. Въ церкви, завидя мой участливый взглядъ, полный слезъ, она подошла ко мнѣ и съ подавленнымъ рыданіемъ тихо сказала: «Выставки имѣютъ въ нашей семьѣ какое-то особенно фатальное значеніе».

Похороны вышли необычайно торжественны: вся французская знать по политическимъ соображеніямъ явилась почтить память генеральнаго русскаго комиссара, хотя, впрочемъ, между нею были также люди, лично знакомые съ общественною дѣятельностью покойнаго. Оправившись нѣсколько отъ слезъ, я съ интересомъ вглядывалась въ лица этихъ невѣдомыхъ мнѣ людей, а они, въ свою очередь, съ очевиднымъ любопытствомъ слѣдили за незнакомымъ имъ обрядомъ. Мальчики-французы (пѣвчіе) прекрасно выводили рулады на неизвѣстномъ имъ языкѣ; старикъ-священникъ былъ вполне типиченъ, и только діаконъ нарушалъ общую гармонію: съ закрученными по-военному усами, полуобстриженными волосами и англійскимъ проборомъ, идущимъ отъ конца затылка до лба, онъ какъ-то необычайно развязно и даже съ презрѣніемъ произносилъ ектенію, портя общее впечатлѣніе торжественной службы.

Стоя на этихъ похоронахъ, я невольно припоминала послѣдній вечеръ у Андреева, та предупредительность, съ которою ѣздилъ онъ, умирающій чловѣкъ, хлопотать о моемъ дѣлѣ, и то общее отрадное впечатлѣніе, которое вынесла

я съ этого вечера. Сознаніе, что у меня будетъ жюри, наполняло тогда всю мою душу необычайной радостью, и на другой день, проходя мимо своего Будды, я смѣло взглянула ему въ лицо. На этотъ разъ его узкіе глаза смотрѣли на меня довольно снисходительно, и на тонкихъ губахъ виднѣлась ободряющая улыбка.

Между тѣмъ брошюра моя, объявленіе и вывѣска были, наконецъ, готовы и начали понемногу обращать на себя вниманіе проходящей публики. Изданія комитета грамотности мнѣ тоже удалось отыскать, перерывши, правда, 14 ящиковъ, и симметрично разложить на большомъ столѣ, предоставленномъ въ мое распоряженіе еще покойнымъ Андреевымъ. Я поставила этотъ столъ почти рядомъ съ пюпитромъ, на которомъ лежала книга, покрывши его малиновой плюшевой скатертью. Вообще обстановка моя на выставкѣ улучшалась съ каждымъ днемъ и въ непродолжительномъ времени представляла собою нѣчто вродѣ салона, покрытаго мягкимъ ковромъ и убраннаго красивой мебелью, приобрѣтенной мною въ Луврскомъ магазинѣ.

Публика, останавливавшаяся возлѣ книги «Что читать народу», была въ высшей степени разнообразна: вотъ проходятъ три сытыхъ буржуа съ самодовольными и тупыми фізіономіями и, прочитавши заглавіе объявленія, направляются далѣе, махнувъ съ презрѣніемъ рукой. Ихъ смѣняютъ два русскихъ франтика, и одинъ изъ нихъ, вставивъ стеклышко въ глазъ и вглядываясь въ нашу синюю бархатную папку, читаетъ разсѣянно: «Матеріальное отправление...» и бѣжитъ далѣе. Вотъ толпа блузниковъ съ любопытствомъ остановилась у книги и, прочитавши заглавіе, восклицаетъ весело: «Ah, nous autres, nous pouvons toret lire!» ¹⁾. Вотъ подходитъ къ ней небрежно, но изящно одѣтый молодой человѣкъ; онъ продолжительно останавливается передъ книгой, внимательно перелистываетъ ее, что-то читаетъ и соображаетъ и, наконецъ, переводя отъ книги на меня свой грустный взглядъ, говоритъ тихо и учтиво по-русски:

¹⁾ О, мы-то можемъ все читать!

— Вы представительница этой книги?

— Да.

— Почему же вы знаете, что читать народу?

— Мы вовсе не знаемъ этого,—отвѣчаю я,—мы только ставимъ себѣ и другимъ этотъ интересный вопросъ, сознавая свое полное безсиліе разрѣшить его.

— Къ чему же затрачивать такъ много усилій и труда? Кому и зачѣмъ нужна ваша книга?

— Она нужна тѣмъ, кто желаетъ разобраться въ народныхъ изданіяхъ и опредѣлить доброкачественность той или другой книги, предназначенной для народнаго чтенія.

— А кто васъ снабдилъ мѣриломъ для измѣренія подобной доброкачественности?

— Мнѣ кажется, что человѣчество выработало все-таки болѣе или менѣе опредѣленные принципы добра и зла.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, что не слѣдуетъ убивать своего ближняго.

— Какъ, положимъ, Бисмарка?

Я не нахожу отвѣта на этотъ мудреный вопросъ, но между нами завязывается самый оживленный споръ, и я совершенно забываю, что я стою у пюпитра на выставкѣ, что здѣсь не полагается кричать и размахивать руками.

— При вашихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ,—говорю я горячо,—остается только сложить руки и ровно ничего не дѣлать.

— Вы правы,—говоритъ онъ, вдругъ какъ-то быстро стихая. — Вы дѣлаете скромное, но все-таки честное дѣло, а мы тяготимъ землю никому и ни на что ненужные.

Его оживившееся было лицо покрывается вновь прежней грустью, и прекрасные сѣрые глаза смотрять серьезно и печально.

— Примите же на прощанье выраженіе моего искренняго уваженія къ вамъ,—говоритъ онъ, приподымая шляпу, и медленно уходитъ куда-то, чтобы не возвратиться болѣе никогда ни къ этому вопросу, ни къ этому спору.

Но бывали, однако, разговоры и встрѣчи на выставкѣ, продолжавшіеся несравненно долѣе и превращавшіеся въ положительное знакомство и почти дружбу; такъ было, на примѣръ, съ Делинымъ, сотрудникомъ газеты «Paris». Онъ съ первой встрѣчи завоевалъ всѣ мои симпатіи. Живой, отзывчивый, заинтересовавшійся всей совокупностью нашего дѣла въ Россіи, онъ просидѣлъ въ моемъ импровизированномъ салонѣ въ первое же утро 2—3 часа, безъ-умолку разспрашивая о школѣ, о составѣ участницъ ея, о нашихъ собраніяхъ, о книгѣ, методѣ которой казался ему въ высшей степени оригинальнымъ. Даже самое лицо его, одушевленное этимъ нравственнымъ интересомъ, казалось мнѣ чрезвычайно красивымъ и выразительнымъ.

— Не правда ли, какъ онъ интересенъ?—обратилась я по уходѣ Делина къ m-Ne Дургеймъ, нашей бывшей гувернанткѣ, тоже присутствовавшей въ моемъ салонѣ.

— Онъ очень интересенъ нравственно,—отвѣчала она съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

Въ это время къ намъ подошла сестра моя Марія Платоновна и сказала мнѣ недовольнымъ тономъ:

— Что это за уродъ съ краснымъ носомъ сидѣлъ у тебя цѣлое утро? Сколько разъ я хотѣла подойти отдохнуть и боялась нарушить ваши безконечные разговоры!

Я невольно расхохоталась надъ своей иллюзіей по поводу наружности умнаго, но безобразнаго Делина. Онъ былъ первымъ, серьезно заинтересовавшимся книгой; вотъ почему, вѣроятно, разговаривая съ нимъ, я чувствовала особенное одушевленіе, создавшее эту иллюзію.

Впрочемъ, говоря откровенно, я должна сказать, что, сколько ни увеличивалось число людей, заинтересовавшихся нашимъ дѣломъ, я каждого изъ нихъ встрѣчала почти съ тѣмъ же одушевленіемъ и привѣтомъ, всегда готовая ярко и образно обрисовать всѣ детали дѣла. Много разъ случалось такъ, что по уходѣ одного изъ заинтересовавшихся людей являлся на смѣну ему тотчасъ же другой, и я начинала сызнова тотъ же самый докладъ съ не меньшимъ одушевленіемъ.

— Сколько у васъ бодрости, здоровья и жизни!—говорилъ мнѣ какъ-то кто-то изъ сосѣдей, слѣдившій за моимъ пріемомъ посѣтителей.

Зато, когда я возвращалась домой въ 6 час., я вдругъ чувствовала разомъ страшный упадокъ силъ и часто ложилась въ постель, совершенно изнемогая отъ усталости. Вечеромъ я не была способна рѣшительно ни на какую работу и часто засыпала въ 8 или 9 часовъ для того, чтобы проснуться на зарѣ и затѣмъ начать съ утра сызнова ту же жизнь на выставкѣ.

Въ числѣ людей, посѣщеніе которыхъ являлось для меня особенно цѣннымъ, былъ виконтъ де-Вогюэ; визитъ этого всеми уважаемаго человѣка положительно осчастливилъ меня.

Знакомая съ нимъ только по перепискѣ, я ждала его съ тѣмъ нервнымъ волненіемъ, которое обыкновенно овладѣваетъ мною при встрѣчѣ съ выдающимися людьми. Бесѣда наша вышла довольно продолжительная и оживленная, несмотря на ту солидность, съ которою держалъ себя виконтъ де-Вогюэ.

Онъ говорилъ о значеніи нашей школы и книги, о силѣ женскаго вліянія на душу ребенка, о сближеніи интеллигентнаго человѣка съ народомъ посредствомъ школы и книги, о томъ, сколько природнаго разума и талантливости таится въ русскомъ народѣ.

Я никогда не сказала бы, что это французъ: спокойный, сдержанный, холодный, терпѣливо выслушивающій своего собесѣдника до конца, онъ походилъ скорѣе на англичанина и, только прощаясь, сказалъ мнѣ съ глубокимъ поклономъ:

— Подобная книга можетъ и должна составлять гордость своей родины.

Слышать это отъ человѣка, не позволяющаго себѣ въ разговорѣ ни одной *фразы* или любезности, было для меня особенно пріятно и дорого, какъ и все свиданіе и всѣ разговоры съ нимъ.

День этотъ я считаю однимъ изъ свѣтлыхъ дней, проведенныхъ мною въ Парижѣ, и, какъ реальное воспомина-

ніе о немъ, купила у хозяина старенькій потемнѣвшій стулъ, на которомъ сидѣлъ виконтъ де-Вогюэ, и назвала его историческимъ.

Виконтъ де-Вогюэ говорилъ все время по-русски съ акцентомъ иностранца, но изящнымъ литературнымъ языкомъ, не подбирая словъ и выраженій.

Цѣлью усиленныхъ поисковъ меня Ананьевой являлось доброжелательное намѣреніе привлечь меня на женскій конгрессъ (*Congres international des oeuvres et institutions féminines*). Я и прежде уже слышала объ этомъ конгрессѣ, но наотрѣзъ отказалась участвовать въ немъ, говоря, что женскій вопросъ не есть тотъ вопросъ, надъ которымъ работала я въ жизни, и потому я не считаю себя вправѣ принимать въ немъ какое бы то ни было участіе. Но когда Ананьева стала горячо убѣждать меня отправиться на первое собраніе, говоря, что оно полно самаго животрепещущаго интереса, когда она показала мнѣ программу съѣзда, на которой, между прочимъ, стояло: «Частная инициатива женщины въ дѣлѣ народнаго образованія», я была, наконецъ, побѣждена ея доводами и рѣшила принять посильное участіе въ женскомъ конгрессѣ.

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ перваго засѣданія этого конгресса, было поистинѣ ошеломляющее: огромная длинная зала, въ которую вошла я, была полнымъ-полна народомъ: здѣсь были и мужчины, и женщины, и молодые и старики, взоры которыхъ были устремлены на эстраду, устроенную въ глубинѣ сада. Эстрада эта была разукрашена весьма изящно, и на ней важно возсѣдали нѣсколько мужчинъ и женщинъ, окруженныхъ ореоломъ какого-то особеннаго величія.

— Жюль Симонъ!—пронеслось въ толпѣ.

И это имя какъ бы оказало на всѣхъ какое-то магическое вліяніе: толпа разомъ стихла, и издали послышался слабый старческий голосъ знаменитаго Жюля Симона. Голосъ этотъ съ каждымъ мгновеніемъ пріобрѣтаетъ все большую и большую силу и, наконецъ, дошелъ до полного лирическаго пафоса. Я находилась въ концѣ зала, а потому многое изъ этой рѣчи ускользало отъ моего слуха; мѣшало мнѣ вполнѣ

овладѣть ею и мое слабое знаніе французскаго языка, но то, что доходило до меня, трогало меня до глубины души. Главною мыслью рѣчи Жюля Симона было то, что французская женщина оклеветана и названа свѣтскою и пустою, между тѣмъ какъ въ послѣднее время есть десятки и сотни серьезныхъ женщинъ, достойныхъ полного и глубокаго уваженія.

Рѣчь Жюля Симона безпрестанно прерывалась громомъ рукоплесканій, и это дѣйствовало на меня настолько электрически, что я чувствовала, какъ холодъ пробѣгалъ у меня по спинѣ, и сердце билось отзывчивостью на это проявленіе общественной жизни!

Я пріѣхала на это засѣданіе съ м-ме Шведовой, женой одесскаго профессора, съ которой я познакомилась незадолго до того. Она обязательно держала въ рукахъ оба тяжелыхъ тома «Что читать народу», привезенные мною на конгрессъ, которые она общала по окончаніи засѣданія передать кому слѣдуетъ.

Въ то время, какъ громкія рукоплесканія сопровождали послѣднія слова Жюля Симона, я съ усиліемъ протиснулась по направленію къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла м-ме Шведова, и, наклоняясь къ ней, сказала восторженнымъ тономъ:

— Ради Бога по окончаніи собранія передайте эти книги Жюлю Симону.

Мнѣ казалось въ эту минуту, что я присуждаю ему какую-то огромную награду, которой онъ вполне достоинъ.

Когда аплодисменты, наконецъ, затихли, на эстрадѣ стала м-ме де-Морсье, вице-президентъ настоящаго засѣданія, и съ увѣренностью человѣка, сознающаго свои силы, начала громко и отчетливо блестящую рѣчь. Ея стройная и величественная фигура возвышалась надъ толпой, а звучный и пріятный контральто проникалъ прямо въ душу. Съ жестами, напоминающими Сарру Бернаръ, она простирала руки въ пространство и говорила глубоко взволнованнымъ голосомъ:

— Сестры мои, русскія, англичанки, американки! Придите въ наши объятія, подѣлитесь съ нами результатами

вашихъ честныхъ усилій, докажете міру, что можетъ сдѣлать женщина на высотѣ своего призванія...

При словахъ «*femmes russes*» мнѣ казалось, что ея горящій взглядъ упалъ именно на меня и что это именно меня она призываетъ въ свои объятія. Не обладая солиднымъ знаніемъ французскаго языка, я никогда не думала, что рѣчь на этомъ языкѣ можетъ имѣть на меня подобное воздѣйствіе. Впрочемъ, тутъ вліяла не одна только рѣчь, а общая торжественность обстановки этого женскаго конгресса.

Когда бурные аплодисменты сопровождали рѣчь м-ме де-Морсье, я снова пробралась сквозь густую толпу къ м-ме Шведовой и, наклоняясь къ ея уху, тихо сказала:

— Нѣтъ, не отдавайте книги Жюлю Симону, а отдайте ихъ м-ме де-Морсье.

— Но вѣдь рѣчи еще не всѣ кончены,—отвѣчала она мнѣ съ своей доброй и умной улыбкой.

Дѣйствительно, вслѣдъ за м-ме де-Морсье было произнесено еще нѣсколько блестящихъ рѣчей, но ни одна изъ нихъ не произвела на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ рѣчь м-ме де-Морсье.

«Вотъ женщина, которой я вручу участь нашей книги,—думала я съ какимъ-то благоговѣніемъ,—я ознакомлю ее съ нею при помощи статьи Абрамова, и она сдѣлаетъ о ней докладъ на одномъ изъ собраній настоящаго конгресса».

Въ то же время мнѣ казалось, что такого рода порученіемъ я дѣлаю честь м-ме де-Морсье, и что нѣтъ на свѣтѣ дѣла болѣе подходящаго подъ рубрику «Частная инициатива женщины въ дѣлѣ народнаго образованія».

Трепетною рукой написала я ей слѣдующее письмо, переведенное затѣмъ на самый изысканный французскій языкъ:

«*Madame de-Morsier!*

«Вчера я слышала вашу рѣчь, полную ума, краснорѣчія, поэзіи и чувства, и эта рѣчь вызвала во мнѣ желаніе обратиться къ вамъ съ слѣдующимъ обстоятельствомъ:

«Не владѣя въ достаточной степени французскимъ языкомъ, я не рѣшусь выступить съ докладомъ въ такомъ многочисленномъ и почтенномъ собраніи, какъ ваше; между тѣмъ дѣло, съ которымъ я желала бы ознакомить членовъ его, быть-можетъ, окажется достойнымъ вашего вниманія. Дѣлу этому я стдала всю мою жизнь, и только вамъ вручила бы его участь. Если бы вамъ угодно было взять подъ свое покровительство это дорогое для меня дѣло, матеріаломъ для вашего доклада могла бы послужить прилагаемая статья нашего русскаго публициста Абрамова. Она никогда еще не была напечатана и прочитана и выйдетъ только сегодня изъ типографіи отдѣльной небольшой брошюрой.

«По выслушаніи вашего доклада ее можно бы было раздать лицамъ, интересующимся этимъ вопросомъ.

«Съ волненіемъ ожидая вашего отвѣта, остаюсь...» и проч.

На другой день рано утромъ, далеко до начала засѣданія конгресса, я отправилась по знакомому уже мнѣ адресу съ письмомъ въ рукахъ. Я думала вручить его заблаговременно секретарю для передачи м-ме де-Морсье, но она сидѣла уже на своей торжественной трибунѣ, дѣловито разсматривая какія-то письма и бумаги. Приближаясь къ ней, я чувствовала усиленное бѣеніе сердца и дрожащею рукою подала ей письмо. Она указала мнѣ жестомъ на стулъ и, высвободивъ листикъ англійской бумаги изъ конверта, начала читать его. Я взглянула ей въ лицо, силясь угадать, какого рода впечатлѣніе произведетъ на нее это письмо, но она была спокойна и серьезна, и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ сочувствіемъ на это сердечное изліяніе. Странно, но лицо ея показалось мнѣ въ эту минуту совсѣмъ инымъ: ни прежняго огня, ни энергіи и жизни на немъ не было и слѣда, и горделиво прищуренные глаза смотрѣли на меня съ отталкивающей холодностью. Была минута, когда я подумала: она ли это, и не ошиблась ли я въ подачѣ письма по назначенію? И только синее платье съ бѣлымъ жилетомъ, сшитое изящно, но по-мужски, и рѣзкій на этотъ разъ контральто удостовѣрили меня, что здѣсь нѣтъ сшибки.

— Я настолько занята и озабочена,—начала онъ дѣловымъ тономъ,—что положительно не могу найти времени прочесть даже бѣгло указанную вами статью. Я не прочь, пожалуй, прочитать готовый уже докладъ, но съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы онъ занялъ не болѣе десяти минутъ.

Печальная, съ низко опущенной головой, сошла я со ступенекъ торжественной эстрады и скромно сѣла въ углу, всецѣло погруженная въ свое грустное раздумье.

«Неужели это та самая женщина?—спрашивала я себя,—или это, дѣйствительно, Сарра Бернаръ, искусно разыгрывающая свою роль на театральныхъ подмосткахъ? Если бы это было иначе, она почувствовала бы ту мольбу, съ которой обратилась я къ ней, и эта мольба нашла бы откликъ въ ея отзывчивомъ сердцѣ».

Зала попрежнему начала наполняться многочисленной публикой, и, бросивъ разсѣянный взглядъ, я замѣтила вдругъ въ этой толпѣ знакомую фигуру А. М. Калмыковой. Не могу передать словами, что почувствовала я въ эту минуту: вѣроятно, я напоминала Жанну д'Аркъ, видѣнную мною въ панорамѣ, когда она смотритъ на небо и видитъ чудесное явленіе. Въ первую минуту я какъ-то окаменѣла, а затѣмъ быстро ринулась впередъ и безъ банальныхъ вопросовъ:

— Когда вы пріѣхали? Долго ли останетесь въ Парижѣ? Какъ нашли выставку?—начала глубоко взволнованнымъ голосомъ.—Алѣксандра Михайловна! Вы превосходно владеете французскимъ языкомъ, вы знакомы близко со всѣми деталями нашего дѣла; я могу передать вамъ все имѣющіеся у меня подъ рукою матеріалы. Ради Бога, составьте докладъ къ субботнему засѣданію, на которое назначено чтеніе педагогическихъ докладовъ. Вы имѣете въ своемъ распоряженіи еще цѣлыхъ пять дней.

Она согласилась. Счастливая этимъ согласіемъ, я позабыла даже о своемъ разочарованіи въ m-me де-Морсье и мечтала съ гордостью о томъ, съ какимъ достоинствомъ, самообладаніемъ и краснорѣчіемъ доложить А. М. Калмыкова о нашей школѣ и книгѣ.

Собрания конгресса продолжались, но они не заключали въ себѣ болѣе того животрепещущаго интереса, какимъ было полно его первое показное собраніе. Въмѣсто Жюля-Симона предсѣдательствовалъ какой-то ожирѣвшій чиновникъ бюрократическаго типа, и мнѣ становилось досадно при мысли, почему на этомъ женскомъ конгрессѣ не можетъ предсѣдательствовать какая-либо образованная женщина, хотя бы сама m-me де-Морсье.

Между докладами текущихъ собраній преобладала жалкая посредственность, и въ общемъ чувствовался характеръ безпорядка и хаоса. Никому не было извѣстно, кто будетъ говорить и о чемъ, и протекція m-me де-Морсье играла очевидную роль въ допущеніи всѣхъ этихъ докладовъ.

Наконецъ подошла пятница, канунъ нашего доклада. Я чувствовала особенное волненіе отъ приближенія этого торжественнаго для меня дня и написала своимъ добрымъ знакомымъ пригласительныя записки.

Бѣдная! Я не знала, какого рода непріятность ждетъ меня нѣсколько часовъ спустя. По окончаніи собранія А. М. Калмыкова подошла ко мнѣ и нѣсколько сконфуженно сказала:

— Христина Даниловна! Пожалуйста, не огорчайтесь, я отказываюсь отъ доклада.

Не умѣя сдерживать себя никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ, я вдругъ расплакалась самымъ постыднымъ образомъ. Слѣдя за этой неприличной въ публикѣ сценой и, очевидно, проникнутая чувствомъ состраданія, знакомые окружили меня и начали уговаривать А. М. сдѣлать завтра докладъ, но она была непоколебима. Тогда добрѣйшая Ананьева съ самспожертвованіемъ человѣка, желающаго помочь горю ближняго, начала говорить мнѣ о томъ, что къ завтраму она лично составитъ докладъ и сама прочтетъ его, но горе мое было такъ велико, что я голосомъ, прерывающимся рыданіями, говорила ей прямо въ глаза:

— Нѣтъ... не нужно... вы не можете такъ составить и прочесть, какъ Александра Михайловна. Вы не слѣдили

послѣдніе года за жизнью книги и школы... У васъ тихій голосъ... вы плохо читаете...

Но Ананьева, снисходя къ моему жгучему горю и великодушно устраниая мотивы самолюбія, продолжала утѣшать меня и говорить:

— Ей Богу, я хорошо составлю и прочту, вотъ увидите; я буду работать всю ночь, отдамъ этому докладу всѣ свои силы, воспользуюсь всѣми матеріалами, находящимися у А. М., и я ручаюсь вамъ головой за успѣхъ.

Ананьева выполнила свято свое обѣщаніе: она проработала всю ночь напролетъ и въ 8 час. утра на другой день сидѣла у меня въ Passy съ переписаннымъ уже набѣло докладомъ въ рукахъ. вмѣсто ея обычной свѣтлой соломенной шляпы съ безобразнымъ краснымъ макомъ, привезеннымъ ею изъ провинціи, на ней была надѣта изящная черная шляпа, только что пріобрѣтенная мимоѣздомъ въ Magasin du Luvre на послѣдніе гроши, имѣвшіе раньше иное, совсѣмъ не сходное съ этимъ назначеніе.

— Не правда ли, такъ будетъ приличнѣе на конгрессѣ?—говорила она мнѣ, добродушно показывая ненужную обновку.

Когда я прослушала докладъ, то нашла его составленнымъ превосходно и въ значительной степени повеселѣла и успокоилась. По пути къ конгрессу я разсуждала такъ:

«Ананьева въ совершенствѣ владѣетъ французскимъ языкомъ и пользуется большимъ уваженіемъ настоящаго конгресса. Конгрессъ этотъ предложилъ принять ея путевые расходы на свой счетъ и далъ ей даровое помѣщеніе. Заслуги ея собственно заключались въ изученіи того спеціального вопроса, надъ которымъ она работаетъ уже много лѣтъ съ такимъ усердіемъ и успѣхомъ. Я позабыла даже въ эту минуту ея слабый голосъ и однообразную дикцію».

Предполагалось, что мѣсто нашему докладу будетъ отведено между 10 и 12 часами, какъ обѣщала m-me де-Морсье; условія эти являлись самыми благопріятными, такъ какъ съ утра публика казалась бодрою и неутомленною, а въ засѣданіяхъ, назначаемыхъ послѣ перерыва (отъ 2 до 6 ч.),

чувствовалось нѣкоторое утомленіе и апатія; но надежды наши не сбылись: предпочтеніе, очевидно, отдавалось англичанкамъ и американкамъ, и нашъ докладъ безпричинно отодвигался на задній планъ. Причина эта объяснилась впослѣдствіи: женскій конгрессъ находился преимущественно въ рукахъ барынь-благотворительницъ, и м-ме де-Морсье предпринимала незадолго до начала его путешествіе въ Англію и Америку съ цѣлью совершить тамъ необходимые поборы. Вотъ почему англичанки и американки-жертвовательницы, отдававшія ей, такъ сказать, визитъ, были встрѣчены съ такимъ радушіемъ и привѣтомъ ею. Все это—увы!—мы узнали несвоевременно, и знанія эти слишкомъ поздно освѣтили для насъ тѣ условія, которыя окружали насъ на этомъ женскомъ конгрессѣ.

Настоящее засѣданіе было какъ-то особенно неудачно. Вотъ выходитъ молодая женщина-англичанка и съ ужимками приличной и благовоспитанной женщины, добродѣтельной матери семейства, начинаетъ рассказывать намъ ломанымъ французскимъ языкомъ такую исторію:

— У меня трое дѣтей, два мальчика и одна дѣвочка; моему старшему мальчику 9 лѣтъ, моей дѣвочкѣ 8 лѣтъ, а моему младшему сыну 7 лѣтъ. Я воспитываю ихъ сама до 7-лѣтняго возраста, а далѣе приглашаю учителей, такъ какъ вліяніе мужчины на мальчика считаю наиболѣе желательнымъ.

М-ме де-Морсье подаетъ знакъ апплодисментовъ, остальные дамы-благотворительницы, сидящія на трибунѣ, громко аплодируютъ.

Въ публикѣ замѣтны улыбки недоумѣнія.

Добродѣтельная англичанка продолжаетъ передавать намъ скучную-прескучную исторію всей домашней обстановки, ничѣмъ не отличающейся отъ сотенъ и тысячъ заурядныхъ семей.

— Вѣдь это возмутительно!—говорю я, обращаясь къ незнакомой мнѣ русской дамѣ, живущей въ Миланѣ и явившейся послушать доклады своихъ компатріотокъ.— Намъ, русскимъ, было заявлено, что мы имѣемъ право дѣлать докладъ въ продолженіе 10 минутъ, а эта госпожа

тянетъ свою скучную канитель цѣлыхъ полчаса, и никто не остановитъ ее, будто такъ и нужно.

За нею всходитъ на трибуну какой-то адвокатъ, еврей, которому м-ме де-Морсье крѣпко пожимаетъ руки и какъ бы силится выдвинуть его впередъ, борясь съ его робостью и застѣнчивостью. Адвокатъ начинаетъ говорить быстро и сильно картавя на тему о томъ, что женщины лучше мужчинъ. Дикція его настолько однообразна, что многіе привстаютъ со своихъ мѣстъ, любопытствуя узнать, не по книгѣ ли читаетъ онъ, но книги нѣтъ, а передъ вами просто заведенная машина, извергающая безостановочно пустыя фразы и слова.

Машина дѣйствуетъ 20 минутъ, но въ публикѣ поднимается невольный ропотъ.

— Assez!—проносится въ толпѣ, но застѣнчивый адвокатъ говоритъ еще добрыхъ 10 минутъ.

М-ме де-Морсье снова подаетъ знакъ апплодисментамъ, и барыни-благотворительницы, приторно улыбаясь, хлопаютъ въ ладоши.

— Неужели это педагогія?—спрашиваю я, наклоняясь къ дамѣ изъ Милана.

— Это все, что хотите, но только не педагогія,—отвѣчаетъ она съ негодованіемъ.

Адвоката смѣняетъ опять англичанка, и я, непонимающая по-англійски, съ любопытствомъ слушаю этотъ невѣдомый мнѣ языкъ. Она разглагольствуетъ также въ продолженіе 20—30 минутъ, и по окончаніи ея рѣчи дама изъ Милана наклоняется, въ свою очередь, ко мнѣ и спрашиваетъ съ иронической улыбкой:

— Какъ вамъ нравится этотъ докладъ?

— Я не знакома съ англійскимъ языкомъ, — учтиво отвѣчаю я.

— Да вѣдь она говорила по-французски, — возражаетъ моя сосѣдка, едва удерживаясь отъ громкаго смѣха.

Я совершенно поражена этимъ извѣстіемъ, и мнѣ становится яснымъ то напряженіе, съ которымъ вслушивались въ эту рѣчь французы, силясь, очевидно, понять ея основную идею. Ни одной улыбки не было на лицахъ умной

и деликатной французской публики, съ признательностью и сочувствіемъ встрѣчающей самое слабое знаніе ихъ родного языка.

Часы показывали половину двѣнадцатаго, и мы были увѣрены, что теперь очередь за нами, но на трибуну возшла огромная женщина, французенка, безобразная, съ косыми глазами, предсѣдательница общества покровительства животныхъ, сама напоминающая какого-то гиппопотама.

Въ устахъ этого чудовища чрезвычайно смѣшна и приторна выходила рѣчь о томъ, что слѣдуетъ жалѣть маленькихъ птишекъ, и что она закликаетъ дѣвицъ и дамъ не носить шляпъ съ птичьими перьями. Особенно ратовала она противъ боя быковъ, устроеннаго на выставкѣ, но когда пробило 12 час., и чудовище сошло съ трибуны, оно подошло къ одной англичанкѣ и сказало съ пріятной улыбкой кривого рта:

— Пойдемте въ ближайшій ресторанъ, тамъ подаютъ великолѣпный бифштексъ съ кровью.

«О, лицемѣрка!» подумала я, глядя съ презрѣніемъ ей вслѣдъ.

Въ 2 часа насъ опять собрали на продолженіе засѣданія, но Ананьеву точно забыли, и маленькій секретарь съ молчалинской фізіономіей приподнялся со своего стула и началъ рѣчь. Онъ говорилъ такіа глупости, что совѣстно было слушать.

— Какъ воспитываютъ нашихъ барышень? О чемъ ведутъ онѣ бесѣду на балахъ?—восклицалъ онъ, вертась на одномъ мѣстѣ и размахивая руками.—Кавалеръ говоритъ: не правда ли, сегодня хорошая погода? Барышня отвѣчаетъ: да, очень хорошая. Кавалеръ спрашиваетъ: какой вы любите цвѣтокъ? Барышня отвѣчаетъ: я люблю розу.

Маленькій человѣчекъ такъ и сыплетъ своими глупыми примѣрами. Въ публикѣ слышится ропотъ на него. М-ме де-Морсье и другія дамы трибуны аплодируютъ.

Ничтожнаго человѣчка смѣняетъ старая французенка съ усами и чрезвычайно внушительной фізіономіей. Она рисуетъ идиллію того, какую именно сельско-хозяйственную школу устроила бы она:

— Коровы мычали бы, овцы блеяли бы, собачки лаяли,— фантазирует она на тему о несбыточной утопии.

Въ публикѣ слышится неудержимый смѣхъ. Энергическая дама съ усами говорить раздраженно, обращаясь къ толпѣ:

— Eh bien! Pourquoi riez-vous? pourquoi?

Смѣхъ усиливается. Кое-кто берется за шапки и проти-скивается сквозь толпу къ выходу. Часы показываютъ 5¹/₂. Черезъ полчаса засѣданіе должно окончиться. Моя сосѣдка выходитъ изъ себя и говорить злобно:

— Вѣдь это возмутительно—лишить очереди русскихъ! Кто далъ имъ право такъ третировать насъ? Необходимъ протестъ.

Въ это время кто-то изъ знакомыхъ участливо подхо-дитъ ко мнѣ.

— Ради Бога,—говорю я волнуясь,—проберитесь къ Ананьевой и скажите ей, что я заклинаю ее не читать доклада при подобныхъ условіяхъ.

Но мнѣ приносятъ отвѣтъ:

— Ананьева не робѣетъ и посылаетъ сказать, что на-дѣется разбудить утомленную публику своей живой рѣчью.

Въ это время звучный контральто m-me де-Морсье произноситъ явственно:

— Le rapport de m-lle Ananieff ¹⁾.

Я чувствую, какъ у меня падаетъ сердце и кровь при-ливаетъ къ вискамъ. Моментъ рѣшительный—Ананьева на трибунѣ. Лицо ея покрыто красными пятнами, и тихій, слабый голосъ едва слышенъ въ этой огромной шумя-щей залѣ. Я чувствую въ эту минуту, что сраженіе про-играно, но все-таки слабая надежда теплится еще гдѣ-то въ душѣ. Въ это время бѣдная Ананьева мало-по-малу овладѣваетъ собой. Голосъ ея пріобрѣтаетъ больше силы и увѣренности. Она произноситъ съ достоинствомъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, и публика замѣтно стихаетъ и начинаетъ слушать ее, но безпощадная m-me де-Морсье наклоняется къ ней и говорить почти громко:

— Вашъ срокъ оконченъ!

¹⁾ Докладъ г-жи Ананьевой.

Ананьева порывается продолжать, но повелительный голосъ вице-президента отнимаетъ у нея всякую возможность сдѣлать это.

— Вашъ срокъ оконченъ, — говоритъ m-me де-Морсье почти дерзко: — у насъ есть еще доклады наочереді.

Ананьеву замѣняетъ новый докладчикъ, читающій что-то по печатанной книгѣ, но я не слышу уже, что читаетъ онъ. Я вижу точно во снѣ, какъ нервно и сконфуженно сходить бѣдная Ананьева со ступенекъ торжественной трибуны въ своей новой изящной шляпѣ и новыхъ черныхъ перчаткахъ на рукахъ, которыя замѣчаю я только въ эту минуту.

Вижу, какъ знакомые заботливо окружаютъ меня и говорятъ мнѣ какія-то слова утѣшенія, но какія именно, я не понимаю. Я чувствую, какъ берутъ онѣ у меня изъ рукъ заготовленную пачку брошюръ и раздаютъ ихъ нервно въ публикѣ. Я вижу ихъ сконфуженныя лица, ихъ глаза, готовые заплакать сейчасъ, и какъ-то безсознательно удаляюсь изъ этой торжественной залы женскаго конгресса, поощряющаго частную инициативу женщинъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Я направляю свои шаги къ конторѣ выдачи входныхъ билетовъ, гдѣ, помнится мнѣ, я видѣла большой шкафъ, наполненный книгами и брошюрами, касающимися конгресса.

— Куда вы и зачѣмъ? — спрашиваетъ меня тревожно и заботливо Ананьева.

— Взять книгу обратно, — отвѣчаю я ей глухимъ голосомъ.

— Но вѣдь это невозможно: вы подарили ее! — говоритъ она убѣдительно.

Но я не слушаю ея доводовъ и обращаюсь настойчиво къ барышнѣ, сидящей за столѣмъ и выдающей билеты, съ своимъ требованіемъ.

Барышня неделикатно отвѣчаетъ мнѣ, что ей некогда искать этихъ книгъ. Тогда я молча и рѣшительно иду къ шкафу, вынимаю оттуда 2 золотообрѣзныхъ малиновыхъ тома и такъ же молча и рѣшительно направляюсь къ извозчику.

На одномъ изъ этихъ малиновыхъ томовъ я замѣчаю чернильное пятно.

«Это пятно позора», мрачно думаю я, и какіе-то желтые и черные круги рябятъ у меня передъ глазами, и я съ усиліемъ взбираюсь на высокую подножку первого встрѣчнаго извозчика, таща за собою свою тяжелую ношу.

Руководители конгресса назначаютъ новые засѣданія и банкеты; участники рассказываютъ чудеса о приѣмѣ членовъ конгресса министромъ въ роскошномъ Луврскомъ залѣ; говорятъ о какомъ-то музыкально-вокальномъ вечерѣ, устроенномъ для конгресса знаменитой артисткой м-ме Лоранъ, о коллективной поѣздкѣ для осмотра всѣхъ выдающихся учебныхъ заведеній. Я получаю печатныя приглашенія на всѣ эти чудеса, но лежу въ постели, убитая горемъ, и не принимаю въ нихъ ни малѣйшаго участія. Меня даже не тянетъ на нихъ, и я только думаю съ отчаяніемъ:

«Теперь все кончено,—все, все!»

Оправившись отъ своего горя, я поѣхала, наконецъ, на выставку. Не доходя до моей витрины, я увидѣла на стѣнѣ приклеенный бѣлый ярлычокъ, на которомъ четкимъ почеркомъ было написано, что завтра, такого-то числа и года, въ 9 ч. утра, группа II, классъ VI (*Education de l'enfant.—Enseignement primaire.—Enseignement des adultes*¹⁾) пройдетъ жюри. Я не могу передать словами, что почувствовала я въ эту минуту и чѣмъ казалось мнѣ это жюри. Я не спала всю ночь напролетъ и на другой день въ 8 ч. утра была уже на выставкѣ съ м-ме Дургеймъ у своей витрины въ ожиданіи жюри.

«Жюри!»—какъ много заключалось для меня въ этомъ словѣ. При мысли объ этихъ невѣдомыхъ судьяхъ мнѣ казалось, что именно они призваны подвести итоги работы всей моей жизни,—они, просвѣщенные, компетентные люди просвѣщеннѣйшей изъ націй.

Несмотря на то, что меня часто упрекаютъ въ честолюбіи, считая его единственнымъ стимуломъ моей работы,

1) Воспитаніе ребенка. Начальное обученіе. Обученіе взрослыхъ.

мысль о медали ушла от меня куда-то далеко, и что-то несравненно болѣе важное и серьезное наполняло всю мою душу, къ тому же за это время исканіе медалей нѣкоторыми антипатичными экспонентами крайне скомпрометировало эту награду въ моихъ глазахъ. Такъ, напр., въ нашемъ русскомъ отдѣлѣ была дама, жена инженера, изобрѣвшаго какую-то печку для сжиганія мусора, которая кричала однажды, какъ кричатъ на базарѣ: «мой мужъ не даромъ посылаетъ меня вотъ уже на пятую выставку. У насъ дома лежитъ 4 золотыхъ медали, и если они смѣютъ мнѣ дать не золотую, а серебряную, я выщипаю имъ всѣ бороды, пусть такъ и знаютъ!»

Какъ-то она подошла ко мнѣ и крикливо стала жаловаться на свою участь. «Какъ вамъ не стыдно!—возразила я ей, теряя терпѣніе,—неужели вы думаете, что награда, достигнутая такого рода домогательствомъ, имѣетъ хоть малѣйшую цѣну или значеніе? Кто долженъ цѣнить, наконецъ, вашъ трудъ—вы сами или группа компетентныхъ судей, избранныхъ для безпристрастной и справедливой оцѣнки? Какъ вы смѣете протестовать такимъ образомъ противъ этихъ почтенныхъ людей?» Я произнесла все это такъ горячо, съ такимъ глубокимъ негодованіемъ, что даже на этой тупой фizioноміи, напоминавшей куликовъ изъ тѣста, продающихся въ Курскѣ на базарѣ 9 марта (въ день прихода весны), проскользнуло нѣчто въ родѣ сознанія своей нелѣпости, и, разомъ стихая, инженерша сказала мнѣ даже нѣсколько сконфуженно, какъ бы въ свое оправданіе: «да вѣдь я хлопочу не такъ за себя, какъ за своего сосѣда. Послушайте: человѣкъ потратился на проѣздъ, обносился совсѣмъ за это время,—и вдругъ говорятъ, что ему не дадутъ никакой медали,—не стоитъ! Какъ не стоитъ? Да съ какими же глазами онъ воротится домой? Зачѣмъ ему было пріѣзжать, тратиться? Улучшится ли, наконецъ, послѣ этого его торговля, сбытъ? Ну, сами посудите!»

На этотъ разъ я стихла въ свою очередь, и для меня стало ясно какъ день, что эти люди совершенно чужды тѣхъ нравственныхъ, духовныхъ интересовъ, которые влекли меня самое на это всемірное состязаніе науки, искусства и чело-

вѣческаго труда, и что они не въ силахъ понять даже всей позорности своего положенія. Присужденіе жюри является для нихъ не болѣе, какъ патентомъ на болѣшій сбытъ товара, и всѣ ваши увѣщанія останутся, навѣрное, гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Другой господинъ (что изобрѣлъ онъ, я ни отъ кого не могла добиться), атлетическаго роста и сложенія, услышавши, что ему присуждена не золотая, а серебряная медаль, грозился избить весь русскій комитетъ, такъ что наши бѣдные русскіе представители вынуждены были волею-неволею перебраться изъ своего курятника въ другое отдѣленіе русскаго отдѣла, болѣе отдаленное и миролюбивое.

«Грипенъки», онъ и она, тоже хлопотали исподтишка, нельзя ли имъ перемѣнить серебряную медаль на золотую. И хотя жюри вело себя съ достоинствомъ, и воинственная барыня осталась при серебряной медали, а господину атлетическаго сложенія, узнавши о его угрозахъ, жюри присудило бронзовую вмѣсто серебряной, но все это до такой степени опротивѣло мнѣ, что я готова была отказаться отъ какой бы то ни было награды.

Въ довершеніе всего мой выставочный знакомый Л., скомпрометированный, впрочемъ, въ общественномъ мнѣніи, увѣрялъ совершенно серьезно, что придетъ время (и оно недалеко), когда медали будутъ покупаться самымъ безцеремоннымъ образомъ, и что починъ этотъ навѣрное будетъ сдѣланъ практичной Америкой на предстоящей выставкѣ. Положимъ, словамъ Л. не слѣдовало придавать особаго значенія, но все это обостряло данный вопросъ и увеличивало отвращеніе къ медалямъ.

Скажу кстати, что наблюденія мои надъ Л. закончились такимъ эпизодомъ: наканунѣ своего отъѣзда я услышала вдругъ страшный шумъ и увидѣла налѣво толпу народа, моментально собравшуюся вокругъ происшествія. Кто-то кричалъ неистово: «Помогите!.. Убиль... Доктора!»

Я страшно перепугалась, боясь двинуться съ мѣста. Набѣду въ эту минуту дѣти мои катались на осликахъ, и мнѣ вообразилось, не съ ними ли случилось какое-либо страшное происшествіе. Оказалось, однако, что Г., лакей А.,

въ пьяномъ видѣ назвалъ Л. мошеникомъ, а тотъ, въ свою очередь, сломалъ на немъ свою толстую палку.

Видя мое блѣдное, какъ смерть, и перепуганное лицо, сторожъ Л. и сторожъ-полякъ участливо подошли ко мнѣ и сказали: «пожалуйста, не беспокойтесь! Онъ только раскроилъ ему голову. А въ другой разъ, въ случаѣ чего, зовите насъ. Вѣдь это наша обязанность оберегать экспонентовъ; мы для этого и приставлены здѣсь».

Въ это время Гришенька—она, тоже, повидимому, блѣдная и перепуганная, подошла ко мнѣ и своимъ дѣланнымъ тономъ сказала нараспѣвъ: «И Гришеньку повели въ кутузку въ качествѣ свидѣтеля; онъ товарищъ съ Л. и съ дѣтства на ты. Какъ случилось это происшествіе, Л. и кричить: «Гришенька, Гришенька!» Онъ и не желалъ бы откликнуться, да нельзя. Я и сама хотѣла итти непременно за Гришенькой въ кутузку, такъ онъ разсердился на меня и говорить: «если ты пойдешь, такъ я не пойду». Такъ я и осталась».

Не знаю, насколько искрененъ былъ на этотъ разъ испугъ м-те «Гришеньки», такъ какъ она всегда и во всемъ до смѣшного подражала мнѣ, какъ замѣчали другіе. Такъ, напримѣръ, проводя по преимуществу свой день возлѣ моей витрины, она говорила обыкновенно: «А меня такъ и тянетъ, такъ и тянетъ къ моей витринѣ, точь въ точь какъ м-те Алчевскую. И выставки я не видѣла, тоже какъ и она».

Впрочемъ, этимъ безпрестаннымъ повтореніямъ были, быть-можетъ, и другія причины, такъ какъ м-г «Гришенька» сказалъ мнѣ однажды таинственно и многозначительно, что патронъ его жены, К., получилъ отъ кого-то въ Москву доносъ, будто м-те «Гришенька» мало сидитъ у своей витрины, и что вотъ-вотъ онъ самъ лично нагрянетъ въ Парижъ. Кромѣ того, послѣ замѣтки въ «L'Eclair» (трактующей о нашей книгѣ), въ которой говорилось, между прочимъ, о дамѣ въ черномъ платьѣ, она прежде подошла и спросила: «въ какомъ это именно платьѣ описываютъ васъ?» А затѣмъ замѣнила свое любимое пестренькое весьма сходнымъ съ моимъ чернымъ и такъ и осталась уже въ немъ до конца выставки.

Вообще, скандалы въ русскомъ отдѣлѣ были не рѣдкостью, и какъ я ни оберегала отъ нихъ мой обособленный салонъ, въ немъ поругались-таки однажды одинъ посѣтитель и «неразбивающаяся фигура». Ругня эта дошла до такихъ размѣровъ: «Квасной московскій патріотъ!»—«Жидъ пархатый!»—«Каменная кукла!»—«Одесскій жуликъ!» и т. д.

Я сидѣла ни жива, ни мертва и ждала драки. Въ это время умница К., ставши въ величественную позу, обратилась къ нимъ съ такою грозною рѣчью: «Какъ вы смѣете заводить здѣсь скандалы? Идите прочь! Вы только компрометируете насъ! Смотрите, вонъ уже около насъ собирается толпа».

На эти энергическія слова «неразбивающаяся фигура», выпучивъ свои пьяные глаза, отвѣчала дерзко: «я говорю не съ вами, а съ м-ше Алчевской, и она слушаетъ меня».

К. представляла потомъ въ лицахъ, какъ сию я ни жива, ни мертва, вперивши испуганный взоръ въ одну точку, а «неразбивающаяся фигура» увѣряетъ, что я съ наслажденіемъ слушаю ее.

Тѣмъ не менѣе, энергичная рѣчь молодой дѣвушки подѣйствовала на этихъ загрубѣлыхъ людей, и они удалились куда-то за шкафы, причемъ «неразбивающаяся фигура» грозила своимъ широкимъ кулакомъ, а маленькій противникъ шелъ тутъ же, какъ ни въ чемъ не бывало. Мысль о неминуемой дракѣ, слѣдствіи и расправѣ страшно терзала меня, а главное, съ свойственной мнѣ силой воображенія, я была увѣрена, что попаду въ свидѣтели этой скандальной исторіи, и по пріѣздѣ домой чуть не довела дѣтей до слезъ такой картиной: посадятъ меня куда-нибудь въ кутузку, а они останутся одни и будутъ приходить навѣщать меня и приносить гостинцы. Мысль эта настолько серьезно тревожила меня, что я послала въ Харьковъ телеграмму, прося мужа моего пріѣхать въ Парижъ немедленно.

Г. былъ также дерзокъ въ пьяномъ видѣ: онъ подошелъ ко мнѣ однажды и спросилъ вызывающимъ тономъ:

— Это вы сочинили книгу «Что читать народу»?

— А что такое?

— Вотъ вы учите народъ, что читать, а лучше поучили бы своихъ знакомыхъ вѣжливости. Я поднялъ и подаль кошелекъ вашей знакомой дамѣ, а она не сказала мнѣ за это даже спасибо. Передайте ей отъ меня, что это свинство.

Въ другой разъ нападка Г. на меня была еще неосновательнѣе. Я отправила ему номеръ «Новостей» съ просьбой передать его П., у котораго онъ находился въ услуженіи послѣ смерти А. На другой день я неожиданно услышала надъ своимъ ухомъ пьяный голосъ Г.:

— Почему это вы, сударыня, препроводили номеръ «Новостей» П., а не мнѣ?

Я съ удивленіемъ взглянула на него.

— Удивляетесь?—продолжалъ онъ тономъ пьянаго человека.—А, между тѣмъ, въ статьѣ этой говорится вдвое больше обо мнѣ, чѣмъ о П.?

— Какъ! О васъ? о Г.?—переспросила я еще съ бѣльшимъ удивленіемъ.

— Т.-е. собственно не обо мнѣ, а о моемъ кустарномъ отдѣлѣ. Когда умерли покойный Е. Н., я замѣнилъ ихъ мѣсто. Я—теперь представитель кустарнаго отдѣла, и если они смѣютъ дать мнѣ серебряную медаль...—И за этимъ «если» начались крупныя русскія ругательства противъ французовъ, и Г. позабылъ, очевидно, о своей претензіи на меня.

Но какъ ни были пошлы и жалки эти исканія медалей, они ни малѣйшимъ образомъ не бросали въ моихъ глазахъ тѣни на неподкупность и честность жюри, и оно попрежнему являлось въ моихъ глазахъ непогрѣшимымъ и справедливымъ судьей. Съ завистью смотрѣла я неразъ, какъ эти члены жюри проходили чужіе отдѣлы и останавливались у чужихъ витринъ. Они состояли преимущественно изъ пожилыхъ людей самаго солиднаго вида, безупречно одѣтыхъ въ черныя сюртуки, съ изящнымъ значкомъ въ петлицѣ и надписью «жюри». Въ бѣлыхъ, какъ серебро, воротничкахъ, свѣжихъ перчаткахъ и цилиндрахъ на головахъ, они производили впечатлѣніе какой-то особенной торжественности.